

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ЯНВАРЬ.

№ 6.

1909.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СОРОКА-БѢЛОБОКА.
ПОСЛѢ ГРОЗЫ.
У БАБУШКИ (повѣсть).
СВѢТЛЯЧКИ.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
ЗАДАЧИ, ГОЛОВОЛОМКИ
и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ тѣни.
„Въ Смутное время“—историческій





BO

THIRD
BY
18

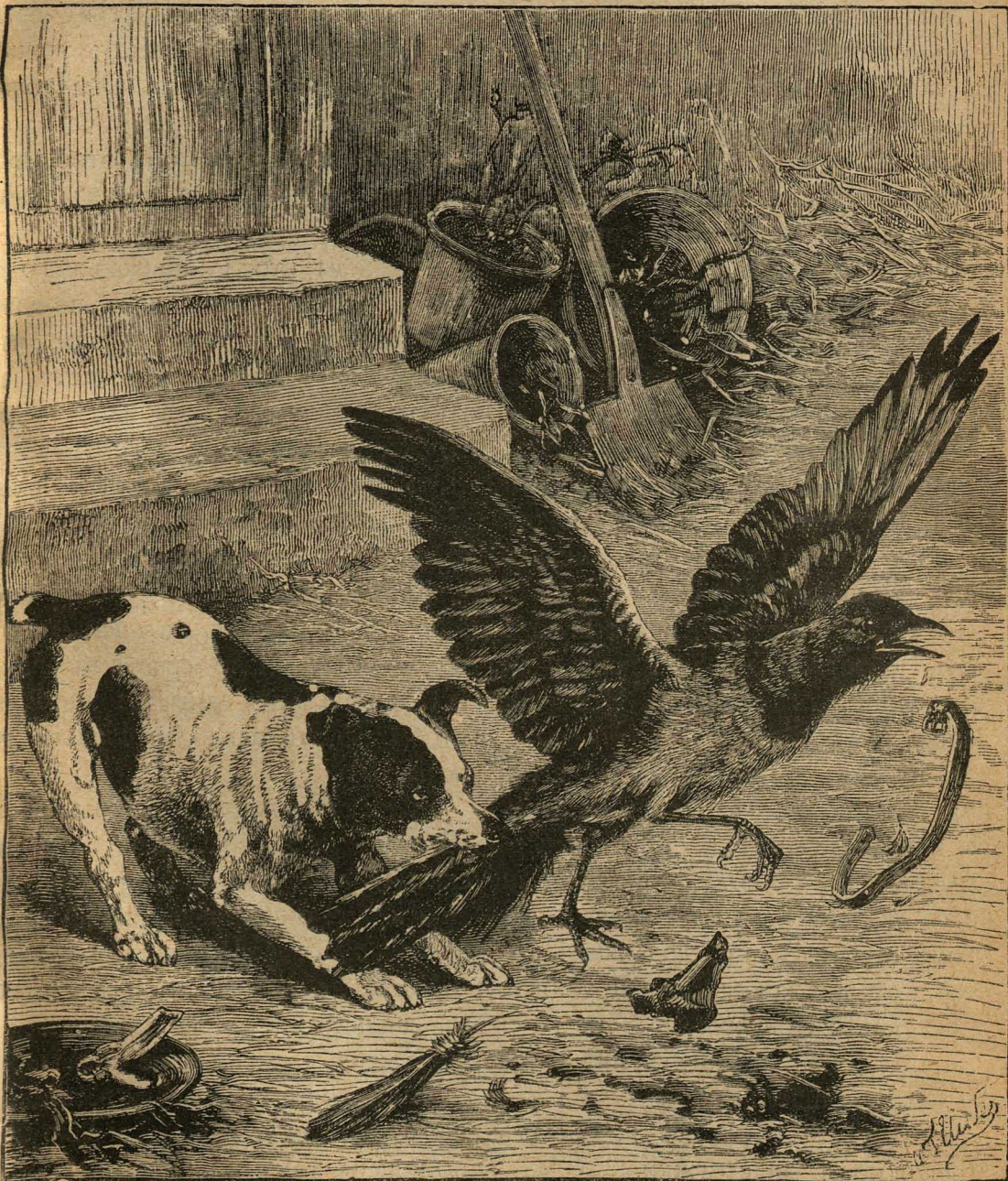
№ 6. Январь 1909.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Сорока стала биться, вырывать и выронила изъ клюва ошейникъ.

СОРОКА-БѢЛОБОКА.

Мы пили на террасѣ чай. Когда чай былъ отпить, то мы, дѣти, побѣжали въ садъ, а мама стала мыть посуду. Въ это время пришла съ деревни дѣвушка и принесла продавать масло и сметану. Мама вышла къ ней, купила у нея ея продукты, и когда вернулась обратно на террасу домывать посуду, то одной чайной ложки на столѣ не оказалось. Мама долго искала ее, думала, что забыла ее въ кухнѣ, когда покупала масло и сметану, но и тамъ ея не оказалось. Тогда рѣшили, что кто-нибудь изъ насъ, мальчишекъ, уронилъ ложку на полъ и она провалилась черезъ щель подъ полъ террасы.

— Полѣзай-ка ты, Жоржикъ, подъ полъ, обратился ко мнѣ папа. — Ты маленький, ты пролѣзешь... Навѣрное ложка тамъ.

Я пролѣзъ въ дыру подъ террасой, куда обыкновенно спасался отъ жары нашъ Дружокъ, и сталъ приглядываться къ темнотѣ, не увижу-ли тамъ чего-нибудь интереснаго; но кромѣ стружекъ и обглоданныхъ костей, которыя занесъ сюда Дружокъ, я не увидѣлъ ничего.

— Ну, что? крикнулъ мнѣ сверху папа. — Нашель?

— Нѣтъ... отвѣтилъ я. — Одиѣ только кости да стружки.

— Тогда вылѣзай обратно.

Я вылѣзъ и мы долго затѣмъ искали эту несчастную пропавшую ложку, да такъ ее и не нашли. Она точно канула въ воду.

Затѣмъ мы забыли объ этой пропавшей и жизнь пошла своимъ чередомъ.

Однажды стояла жаркая погода. Мы купались каждый день, но мама рѣшила, что мы такъ грязны, что купанье насъ только освѣжаетъ, но отнюдь не смываетъ съ насъ грязи, и поэтому приказала согрѣть воды, чтобы вымыть намъ всѣмъ головы. Мы долго капризничали, не хотѣли мыться, но въ концѣ концовъ подчинились. Мама сняла съ себя кофточку и кольца съ пальцевъ, положила кольца около зеркала въ спальнѣ и вышла къ намъ въ дѣтскую, чтобы вымыть намъ хорошенько головы.

Было такъ жарко, что мы не замѣчали даже теплоты воды и, не смотря на то, что во всемъ домѣ были открыты окна, ни малѣйшій сквознячокъ не обдавалъ насъ прохладой.

Когда мама возвратилась къ себѣ въ спальную и стала одѣваться, то ея колецъ у зеркала не оказалось...

Былъ поднять на ноги весь домъ, мы обшарили всѣ уголки и закоулки, но колецъ такъ и не нашли. И если бы няня и кухарка не жили у насъ

давно, то мы такъ и подумали-бы на нихъ. Оставалось предположить только одно, что въ домѣ у насъ завелся какой-нибудь духъ, который таинственно похищаль драгоценныя вещи, но это было-бы неумно, — и тайна такъ и продолжала оставаться тайной.

Затѣмъ у кухарки пропаль ея наперстокъ. Мы долго смѣялись надъ ней и пугали ее нечистой силой, которая повадилась ходить къ намъ въ домъ и воровать у насъ вещи.

— Стало-быть, нечистая сила тоже безъ наперстковъ не шьетъ! серьезно отвѣчала намъ кухарка. — Хорошо еще, что мѣдный... Три копейки цѣна...

У насъ была собака съ обрубленнымъ хвостомъ, звали ее — Дружокъ. Это была помѣсь фоксъ-терьера съ дворняшкой, но она была такъ забавна и такъ умна, что мы цѣлые дни проводили вмѣстѣ съ нею. Куда бы мы ни шли, она всюду слѣдовала за нами и какъ-бы мы ее ни мучили, она всегда ласково виляла намъ своимъ обрубочкомъ хвоста. Этотъ обрубочекъ мы прозвали сосиской.

— Ну-ка, завиляй своей сосиской! — говорили мы Дружку.

И онъ тотчасъ-же изъ всѣхъ силъ принимался исполнять наше приказаніе.

Это насъ очень занимало.

Дружокъ жилъ на дворѣ, въ ящикѣ у чернаго крыльца, туда же ему бросали ѣду. Онъ очень любилъ глотать кости и возился съ ними по цѣлымъ часамъ. Однажды я принесъ

ему ѣсть и, отъ нечего дѣлать, сѣлъ въ сторонѣ и сталъ глядѣть на него, какъ онъ будетъ управляться съ костями. Онъ тотчасъ-же набросился на ѣду и затѣмъ съ увлеченіемъ принялся за кость. Онъ грызъ ее и ворчалъ. Въ него кругомъ впились комары, но онъ не замѣчалъ ихъ и продолжалъ свою трудную работу.

Какъ вдругъ я увидѣлъ нѣчто странное. Съ высокаго дерева слетѣла сорока. Тихонько подкралась она къ Дружку, и схвативъ клювомъ за его кость, видимо старалась у него ее отнять. Дружокъ тяфкнулъ на нее, она отскочила, а онъ снова принялся за свое дѣло. Тогда она тихоньку подкралась къ нему съ другой стороны, ловкимъ движеніемъ ухватила клювомъ за мѣдную пряжку на его ошейникѣ и дернула за нее такъ, что ошейникъ черезъ голову снялся съ Дружка. Сорока собралась уже улетѣть со своей добычей, какъ Дружокъ бросилъ свою кость и мигомъ ухватилъ похитителя за хвостъ. Сорока стала биться, вырываться, выронила изъ клюва ошейникъ и, оставивъ въ зубахъ у собаки чуть не половину своего хвоста, улетѣла обратно къ себѣ на дерево.

Я побѣждалъ въ домъ и обо всемъ разказалъ отцу. Онъ хлопнулъ себя по лбу и вдругъ лицо его просіяло.

— Какъ это я раньше не догадался! воскликнулъ онъ и вышелъ вмѣстѣ со мною на дворъ.

Мы подошли къ тому дереву, на которомъ жила сорока, папа долго

смотрѣлъ на его вершину и наконецъ сказалъ:

— Жоржикъ, лѣзь! Тамъ вонъ на самомъ верху гнѣздо сороки. Постарайся въ него заглянуть!

Я радъ былъ показать свое искусство лазать по деревьямъ, и въ одинъ мигъ взобрался на самую вершину.

— Не упади! кричала мнѣ мама изъ окошка.—Ахъ, эти мальчишки! Того и гляди сломятъ себѣ шеи!

А я добрался до самага гнѣзда и уже коснулся его рукою. При моемъ появленіи сорока съ крикомъ выскочила изъ него и улетѣла прочь, а я уцѣпился попрочнѣе за вѣтви и сталъ его оглядывать со всѣхъ сторонъ. Оно было сплетено все изъ сучьевъ и обмазано глиной и сверху надъ нимъ изъ прутиковъ была сдѣлана крыша, какъ на избушкѣ, чтобы не попадалъ въ него дождь.

— Ну, что? крикнулъ мнѣ папа.— Есть тамъ что-нибудь?

— Не вижу, отвѣчалъ я.

— А ты пошарь въ немъ рукою!

Я просунулъ въ гнѣздо руку и сталъ въ немъ шарить. Что-то жесткое и холодное попало мнѣ подъ пальцы. Я сталъ вытаскивать то, что въ немъ находилось.

Это были мамины кольца, чайная ложка, которую мы такъ долго искали, кухаркинъ наперстокъ и о, удивленіе—мой оловянный солдатикъ!

Я слѣзъ съ дерева и все это передалъ папѣ. Онъ долго и съ любопытствомъ разсматривалъ вещи и все повторялъ:

— Какъ это я раньше не догадался! Каждый день по нѣскольку разъ вижу эту сороку и даже и въ голову не приходило, что вещи укра-ла именно она!

А я шелъ рядомъ съ нимъ и ничего не понималъ.

А когда мы пришли къ мамѣ и передали ей ея кольца и ложку, то тутъ было столько разговоровъ, столько аховъ и оховъ, что хватило-бы на цѣлый день, если-бы папа не усадилъ всѣхъ насъ на диванъ и не сказалъ намъ слѣдующее:

— Теперь вы убирайте всѣ ваши блестящія вещи подальше. Эта сорока перетаскаетъ ихъ у васъ такъ, что вы и не замѣтите ихъ исчезновенія. Хорошо, что ей вздумалось стащить съ Дружка бшейникъ, а то-бы такъ никто и не догадался, куда пропали мамины кольца и ложка. Это единственная птица изъ всей вороньей породы, которая любитъ красть блестящіе предметы.

— Развѣ сорока изъ вороньей породы? перебили мы папу.

— Да, отвѣчалъ онъ.— Къ вороньей породѣ принадлежатъ воронъ, ворона, галка и сорока. Сорока водится по всей Европѣ и по всей Азіи тамъ, гдѣ существуютъ хоть небольшіе лѣса. Высокихъ-же горъ, степей и обширныхъ лѣсныхъ пространствъ она избѣгаетъ. Значитъ,—самыя лучшія для нея мѣста—это наши, гдѣ поля чередуются съ лѣсками. Въ особенности-же она любитъ селиться въ большихъ садахъ, по сосѣдству

съ человѣкомъ и тамъ, гдѣ ее никто не трогаетъ, она становится такой смѣлой, что даже влетаетъ въ комнаты, какъ это сдѣлала у насъ, когда стащила у мамы кольца. Особенно ее любятъ шведы, и въ Швеции для нея даже устраиваютъ особыя помѣщенія, чтобы она гнѣздилась. Тамъ вы встрѣтите сороку даже въ сараѣ, подъ крышей, гдѣ она и высиживаетъ своихъ птенцовъ. Вообще сорока—птица осѣдлая; она не любитъ далеко отлетать отъ своего гнѣзда и летаетъ-то какъ-то тяжело: часто размахиваетъ крыльями и стоитъ только подуть вѣтру, какъ полетъ ея становится невѣрнымъ и некрасивымъ. А когда она спустится на землю, то она не прыгаетъ, а переступаетъ ногами и высоко задираетъ свой хвостъ. Этимъ она отличается отъ галки и вороны. Сорока—очень умная птица. Это она доказала вамъ сейчасъ своимъ искуснымъ воровствомъ и, кромѣ того, благодаря своему уму, она превосходно отличаетъ опасныхъ для нея людей и животныхъ отъ безопасныхъ и сообразно съ этимъ такъ и поступаетъ: первыхъ избѣгаетъ, а со вторыми даже бываетъ дерзка.

— Какъ, напримѣръ, съ нашимъ Дружкомъ, вставилъ мой братишка.

— Да, да, подтвердилъ и папа.— Не будь Дружокъ такъ добродушенъ, сорока никогда не осмѣлилась-бы стащить съ него за пряжку ошейникъ!

— А что сороки ѣдятъ? спросилъ я папу.

— Все, отвѣтилъ онъ: — насѣкомыхъ, улитокъ, лягушатъ, плоды, ягоды, зерна—однимъ словомъ все, что попадаетъ имъ на пути. Часто сорока даже воруетъ яйца изъ гнѣздъ другихъ птицъ и съѣдаетъ ихъ, а иногда дѣлается нахальной настолько, что уноситъ даже цыплятъ. При этомъ она не съѣдаетъ ихъ, а только убиваетъ, отключаетъ немножко и бросить. Чтобы украсть цыпленка, она долго присматривается къ курамъ, слетаетъ къ нимъ, клюетъ вмѣстѣ съ ними зерна и когда куры привыкнутъ къ ней настолько, что начинаютъ считать ее своей-же домашней птицей, она неожиданно схватываетъ вдругъ цыпленка и улетаетъ съ нимъ изъ курятника. Конечно, въ курятникѣ переполохъ. Но куры скоро забываютъ объ этомъ и на другой-же день сорока опять, какъ ни въ чемъ не бывало, клюетъ съ ними изъ одного корытца зѣрна и начинаетъ присматриваться къ другому цыпленку.

— Вотъ вѣдь какая хитрая!—воскликнула няня, стоявшая тутъ-же и слушавшая папинъ рассказъ.

— Да, она очень хитра, продолжалъ папа.— Это сегодня замѣтилъ Жоржикъ, увидавъ, какъ выстроено ея гнѣздо. Она отлично выстилаетъ его глиной, а сверху ставитъ надъ нимъ колпакъ отъ дождя, такъ что ея птенцы виолнѣ могутъ оставаться сухими, какая-бы непогода ни была. Къ тому же колпакъ этотъ охраняетъ ихъ и отъ вторженія другихъ хищныхъ птицъ. Въ такое гнѣздо

сорока кладетъ 7—8 яицъ и черезъ три недѣли выводитъ изъ нихъ дѣтей. Яйца зеленоватыя, съ крапинками. Какъ только птенцы появятся на свѣтъ, такъ ихъ начинаютъ кормить оба—и отецъ, и мать, при чемъ дѣлаютъ это чередуясь, чтобы птенцы не оставались безъ старшаго. Сорока такъ любитъ своихъ дѣтей, что не покидаетъ ихъ даже тогда, когда въ нее стрѣляютъ и продолжаетъ оставаться съ ними даже съ дробью въ крылѣ. Маленькіе сорочата, вынутые изъ гнѣзда, скоро становятся ручными и все время болтаютъ; отсюда и возникла поговорка: «болтаетъ, какъ сорока». Ихъ можно скоро и легко выучить прилетать на зовъ, дѣлать разныя штуки, пѣть «Чирика» и даже говорить нѣкото-

рыхъ слова. Но ужъ за то ни одной блестящей вещи на мѣстѣ вы не найдете: ихъ они украдутъ и спрячутъ такъ, что не обрадуетесь ихъ умѣнью пѣть и говорить.

Въ это время съ надворья донеслись крики нашей героини:

— Чекъ - чекъ - чекъ!.. Шакеракъ - шакеракъ!..—болтала она.

— Навѣрное, это означаетъ: «пропали мои вещи!»—сказала няня.

Мы засмѣялись и гурьбою выпали на дворъ смотрѣть на сороку. Она прыгала по лужку, около своего дерева и высоко задирала свой ободранный на половину хвостъ. А тутъ же недалеко отъ нея лежалъ на солнышкѣ Дружокъ и дремалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

С. Вершининъ.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Гроза прошла, но капли дождевыя
Еще блестятъ алмазами въ лѣсахъ,
И яркіе лучи, прозрачно-золотые
Такъ радостно горятъ въ лазурныхъ
небесахъ.

И пали длинныя отъ старой липы тѣни,
И птички залились на тысячу ладовъ,
И ароматъ несется отъ сирени
И отъ роскошныхъ розовыхъ кустовъ.

Гроза прошла... Промчались быстро тучи.
Головки пестрыя приподняли цвѣты,
Умылся дождикомъ зеленый дубъ могучій, —
И стало все кругомъ, какъ въ царствѣ красоты.

Е. Селунская.

У БАБУШКИ.

(Продолженіе).

Соня вышла къ дѣтямъ, и съ этой минуты потянулись для нея счастливые дни. Катя схватила ее за одну руку, Нина за другую, и всей гурьбой ребята побѣжали въ садъ. Здѣсь они стали играть въ палочку-воровочку, въ прятки, но Соня еще ни разу въ жизни не бѣгала, какъ нужно бѣгать, ноги подъ ней подгибались, она тяжело дышала и всякій разъ оставалась позади всѣхъ. Это ее раздражало, но высказывать свое неудовольствіе въ первый же день было неловко, и она кое-какъ съ этимъ примирилась.

— Соня, да ты бѣги вотъ какъ! обращался къ ней Костя и старался показать ей, какъ онъ умѣетъ бѣгать.

Она бѣжала вслѣдъ за нимъ, но скоро отставала и, держась рукой за грудь, начинала тяжело дышать.

— Оставь ее, Костя, говорила при этомъ брату Катя. — Развѣ ты не видишь, что она слабенькая, не можетъ...

И, подходя къ Сонѣ, она обнимала ее за талію и горячо цѣловала ее въ щеку.

Живя въ Петербургѣ, Соня и понятія не имѣла о томъ, что такое стать потной отъ бѣга и возни. Здѣсь же, съ перваго дня, грудь ея стала дышать глубоко и то и дѣло ея волоски стали прилипать у нея ко лбу,

и ея мама съ безпокойствомъ засовывала ей руку за спину, и все боялась, какъ бы она не простудилась отъ испарины.

— Что, если она здѣсь простудится и заболѣетъ? съ ужасомъ думала Анна Федоровна про Соню. — Я этого не перенесу!..

А ея Соня въ это время бѣгала съ пріятелями по парку и не думала ни о чемъ.

Наигравшись въ-волю, дѣти вдругъ начинали чувствовать голодъ. Голодъ былъ настолько острый, что его нужно было удовлетворять сейчасъ же, немедленно, иначе, какъ имъ казалось, они не въ состояніи будутъ прожить и часа. Тогда Катя шла къ себѣ во флигель, брала краюшку черного хлѣба и раздавала его своимъ братьямъ и сестрамъ. Они начинали ѣсть его съ такимъ аппетитомъ, что Сонѣ становилось завидно, и одинъ разъ, густо покраснѣвъ, она попросила Катю дать кусочекъ и ей.

— Кушай на здоровье, отвѣтила ей Катя и протянула къ ней цѣлый ломоть.

Никогда, въ жизни своей не ѣвшая черного ржаного хлѣба, Соня съ недоумѣніемъ принялась за него, но съ перваго же глотка онъ показался ей такимъ вкуснымъ, такимъ душистымъ, что она стала потомъ его ѣсть за обѣ щеки.



Я этого не перенесу...

дѣлать; но хлѣбъ былъ такой вкусный, такъ пріятно было ѣсть его, когда набѣгаешься до усталости, что Соня опускала глаза и потомъ бросалась къ матери на шею.

— Мамочка, дорогая, — говорила она, — позволь мнѣ его ѣсть. Онъ такой душистый!

Анна Ѳедоровна глубоко вздыхала, не отвѣчала ничего, и по этому ея вздоху Соня догадывалась, что это было для нея непріятно.

— А я сегодня черный хлѣбъ ѣла! съ гордостью говорила она своей мамѣ, когда возвращалась домой и укладывалась спать.

Мама дѣлала испуганные глаза, журила ее, просила ее впередъ этого не

А тѣмъ временемъ укладывались спать и дѣти доктора Васильева. Усталыя, набѣгавшись досыта, счастливыя, они едва успѣвали добратъся до своихъ постелей и засыпали тотчасъ-же глубокимъ, непробуднымъ сномъ. Въ десять часовъ вечера къ нимъ въ дѣтскую заходила ихъ мать, Елена Ивановна, и каждому изъ нихъ клала подъ подушку по горбушечкѣ черного хлѣбца.

— Спите, мои дорогіе, говорила она, — Господь васъ благословитъ! Завтра проснѣтесь, а покушать-то и есть чего!

И, благословивъ ихъ и каждого поцѣловавъ въ розовую, пухленькую щечку, она выходила къ себѣ въ столовую и принималась за шитье.

— Опять Костя на колѣнкѣ штаны прорвалъ, качала она головой, разглядывая одежду своихъ ребятъ. — Такъ на нихъ все и горитъ, такъ и горитъ! А у Ксени опять фартукъ разорванъ! Батюшки мои, и у Вари — тоже! Вотъ не напасешься на нихъ одежды!



Каждому изъ нихъ она клала по горбушечкѣ черного хлѣбца.

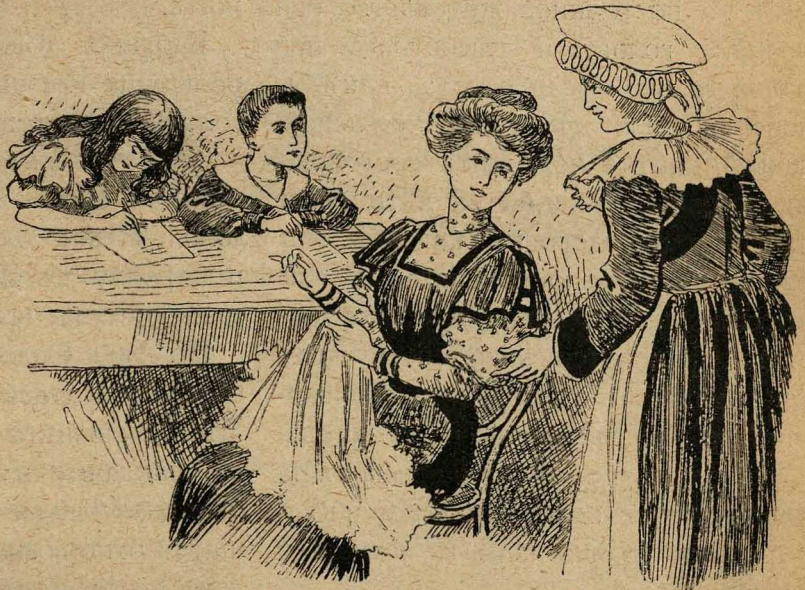
А въ это время въ комнату вошла ея кухарка, она же и няня, Игнатъевна, съ цѣлой массой обуви въ рукахъ и озабоченно говорила:

— А у Кости, барыня, опять сапоги прорвавши... Вотъ и у Вареньки тоже-съ... Давно ли починая, а они опять продрамались!

Елена Ивановна только махала рукой и ничего не отвѣчала, а Игнатъевна присаживалась къ ней, и осѣлавъ носъ огромными мѣдными очками, начинала чинить дѣтямъ сапоги. Покончивъ съ сапогами, она принималась за дѣтскіе чулки и, натянувъ каждый изъ нихъ на деревянную столовую ложку, старалась наложить на нихъ заплатку на заплатку.

Иногда вечеромъ за Еленой Ивановной присылали изъ большого дома. Она ходила туда неохотно, потому что всегда была занята, но любила тамъ бывать, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселилась Анна Федоровна. Въ такіе вечера бабушка Татьяна Максимовна усаживалась обыкновенно за столъ и раскладывала пасьянсы, а Анна Федоровна играла на рояли. Елена Ивановна очень любила музыку, и не могла на-

слушаться, какъ Анна Федоровна играла. Затѣмъ всѣ трое долго разговаривали. Бабушка рассказывала о давно-минувшихъ временахъ, когда дамы еще носили кринолины и заплетали на вискахъ косички; Анна Федоровна все больше говорила о Петербургѣ, а Еленѣ Ивановнѣ не о чемъ было говорить, кромѣ какъ о дѣтяхъ, и потому она все больше молчала.



Вы-бы и Соню усадили заниматься...

Какъ-то зашелъ разговоръ о томъ, какъ быстро поправилась въ деревнѣ Соня.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ, Анята, сказала бабушка, — взяла-бы всѣ свои пожитки, да Соню и переѣхала бы сюда на жительство совсѣмъ... Что тамъ у васъ, въ Питерѣ, за житье? Гнилыя зимы, чистаго снѣга за всю жизнь не увидишь... Правол!..

Анна Федоровна не отвѣтила ничего.

— Что, небось, жаль разстаться съ Питеромъ?... продолжала бабушка.— Ну, ну, Богъ съ тобой, живи тамъ у себя, наслаждайся! Благо, мужъ много денегъ оставилъ...

А Елена Ивановна въ это время сидѣла около печки и втихомолку, про себя, подсчитывала расходы. Услышавъ, какъ бабушка приглашала Анну Федоровну съ Соней къ себѣ на постоянное жительство, она подняла голову и улыбнулась при одной только мысли о томъ, какъ-бы хорошо было съ такою большою семьей, какъ у нея, жить постоянно въ деревнѣ! Какія-бы ея дѣти были краснощекія, здоровыя, какъ-бы они зимою катались на конькахъ, играли въ снѣжки, строили ледяную гору.— А то приходится имъ теперь жить въ городѣ, въ тѣсной, душной квартирѣ, рѣдко выходить на воздухъ!..

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ на дворѣ вдругъ залаяли собаки и кто-то сталъ громко стучать палкой о рѣшотку сада.

— Кто тамъ? крикнула изъ окна бабушка.

— Телеграфистъ! слышался отвѣтъ.— Съ телеграммой! Прогоните, пожалуйста, собакъ!..

Бабушка выслала дѣвушку за телеграммой, и когда телеграмму распечатали и прочитали, то у Анны Федоровны похолодѣло подъ сердцемъ. Оказалось, что телеграмма была адресована ей и что заграничный банкъ, въ которомъ она хранила свои деньги, разорился и прекратилъ платежи. Если

это была правда, то, значить, Анна Федоровна потеряла все, что досталось ей отъ ея покойнаго мужа и чѣмъ она теперь жила, и что теперь она стала такою же нищей, какъ и тѣ женщины, которыя побираются по улицамъ, не умѣя заработать себѣ денегъ на пропитаніе.

— Что я буду теперь дѣлать? ужаснулась она.— Чѣмъ я теперь буду жить?

Бабушка тоже смотрѣла на нее большими глазами и, молча, качала головой. Она тоже была встревожена.

— Да вѣрно-ли это? наконецъ сказала она.— Быть можетъ, это ложь! Нужно сейчасъ же послать телеграмму въ Петербургъ и запросить консула, правда ли это?

Но Анна Федоровна засуетилась и стала собираться въ Петербургъ сама. Были выдвинуты опять всѣ сундуки и чемоданы, и началась въ нихъ укладка платья и бѣлья. Проснувшаяся отъ возни, Соня, узнавъ, въ чемъ дѣло, стала плакать и рѣшительно заявила, что она ни за что на свѣтѣ не поѣдетъ въ этотъ противный Петербургъ, гдѣ ей негдѣ побѣгать и гдѣ у нея нѣтъ такихъ друзей, какъ здѣсь.

— И въ самомъ дѣлѣ, обратилась къ Аннѣ Федоровнѣ и бабушка.— зачѣмъ тебѣ брать съ собою Соню? Пусть себѣ бѣгаетъ здѣсь на здоровье! Вѣдь, все равно, тебѣ придется искать другую квартиру, переѣзжать на нее, — и Богъ знаетъ, что въ это время можетъ случиться съ дѣвоч-

кой! Къ тому же еще двое сутокъ пути...

Анна Оедоровна и сама сознавала это; но какъ было разстаться съ Соней?

— Не безпокойся, продолжала бабушка, — мы съ Еленой Ивановной поглядимъ за нею. Поѣзжай съ Богомъ! А устроишь всѣ дѣла, — возвращайся опять сюда обратно и живи здѣсь, сколько твоей душѣ угодно.

Анна Оедоровна еще ни разу въ жизни не разставалась съ Соней, и для нея это былъ серьезный, мучительный вопросъ. Всю ночь она не спала, то и дѣло подходила къ кроваткѣ своей дочери, и даже нѣсколько разъ всплакнула. Но подъ утро она рѣшилась, и когда были поданы лошади, она не стала Соню будить, долго ее крестила, нѣжно поцѣловала ее въ щеку и въ лобъ, и уѣхала на станцію.

— Берегите ее, обратилась она къ Еленѣ Ивановнѣ, провожавшей ее на вокзалъ, и опустила къ ней голову на плечо. — Одна только надежда на васъ... Чуть что, телеграфируйте мнѣ тотчасъ же...

Елена Ивановна общала ей; локомотивъ далъ свистокъ — и поѣздъ скоро скрылся изъ глазъ. Соня осталась одна...

— «Разорена»... думала въ это время въ вагонѣ Анна Оедоровна. — «И если правда, что банкъ прекратилъ платежи, то чѣмъ мы съ Соней будемъ жить?»

Черезъ пять дней въ усадьбу пріѣхалъ докторъ Васильевъ. Дѣти об-

радовались своему отцу, онъ ходилъ съ ними на рѣку удить рыбу, устраивалъ имъ вечеромъ иллюминацію и показывалъ имъ фокусы. Подъ конецъ онъ нарядился туркомъ, а затѣмъ сталъ на четвереньки и каталъ на себѣ по очереди всѣхъ дѣтей, въ томъ числѣ и Соню. Соня была довольна такъ, какъ никогда еще въ жизни. И все время, пока въ усадьбѣ гостилъ докторъ, дѣти толпою ходили слѣдомъ за нимъ, и то и дѣло смѣялись на его шутки.

Прогостивъ четыре дня, докторъ засбирался обратно въ городъ къ своимъ больнымъ.

— Ну, дѣти, обратился онъ къ Катѣ и Костѣ, прощаясь, — пора и за дѣло. Довольно ужъ вы набѣгались, теперь можно по одному часику въ день и позаниматься. Вотъ и Соня тоже поучится вмѣстѣ съ вами! Ей уже десятый годъ, — пора!

Соня умѣла читать, но писала очень плохо, все больше печатными буквами, и мама не особенно настаивала на ея ученѣ, считая ее дѣвочкой слабой здоровьемъ и нервной. И когда, послѣ отъѣзда доктора, Елена Ивановна кликнула Катю и Костю заниматься и они покорно взяли свои книжки и пошли во флигель, то она нахмурила бровки и проворчала:

— А мы только что хотѣли играть въ палочку-воровочку...

— Наиграетесь еще, барышня... сказала проходившая мимо Игнатъевна. — А вотъ вы бы лучше пошли поучиться вмѣстѣ съ нашими дѣтьми!



Со всѣхъ ногъ она бросилась къ рѣкѣ.

— Я никогда лѣтомъ не учусь, отвѣчала ей Соня.—Я очень слаба здоровьемъ и нервна и потому мама не хочетъ меня утомлять.

Игнатьевна была простая крестьянка и эти слова заставили ее улыбнуться.

— Это вы нервны? сказала она.—Да вы, слава тебѣ Господи, здоровѣ нашихъ дѣтей. Тьфу - тьфу - тьфу, какъ бы не сглазить!

Соня надулась.

— Тебя не спрашиваютъ, сказала она, и гордо пошла вдоль аллеи парка.

Пока Костя и Катя учились, всѣ другія дѣти Елены Ивановны сидѣли тутъ же около стола и вырѣзали человѣчковъ изъ бумаги.

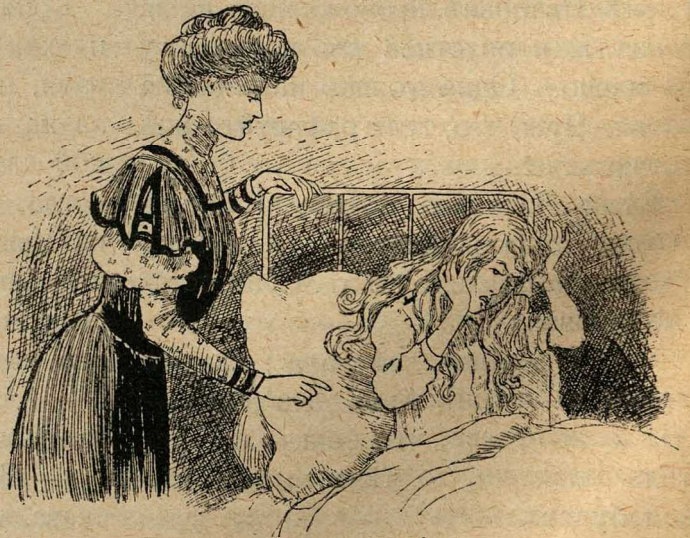
Ихъ мама сидѣла тутъ же и починала бѣлье.

— Барыня, а барыня, обратилась къ ней Игнатьевна;—вы бы и Соню усадили заниматься, а то она ходитъ по саду одна, а мнѣ надо кое-что постирать, и приглядѣть за нею некому. Сохрани Богъ, чего...

— Хорошо, няня, отвѣтила Елена Ивановна, — ты иди, а я погляжу за нею черезъ окно.

А тѣмъ временемъ Соня грустно бродила по аллеямъ парка, въ первый разъ за все пребываніе здѣсь ей сдѣлалось скучно. Она вспомнила о своей матери, вспомнила, что если бы мама сейчасъ была здѣсь, то сдѣлала бы для нея все, чего бы только Соня ни захотѣла. И, какъ избалованный ребенокъ, она надула губки и сказала:

— Мама бросила меня, уѣхала, а я такъ слаба здоровьемъ, что могу



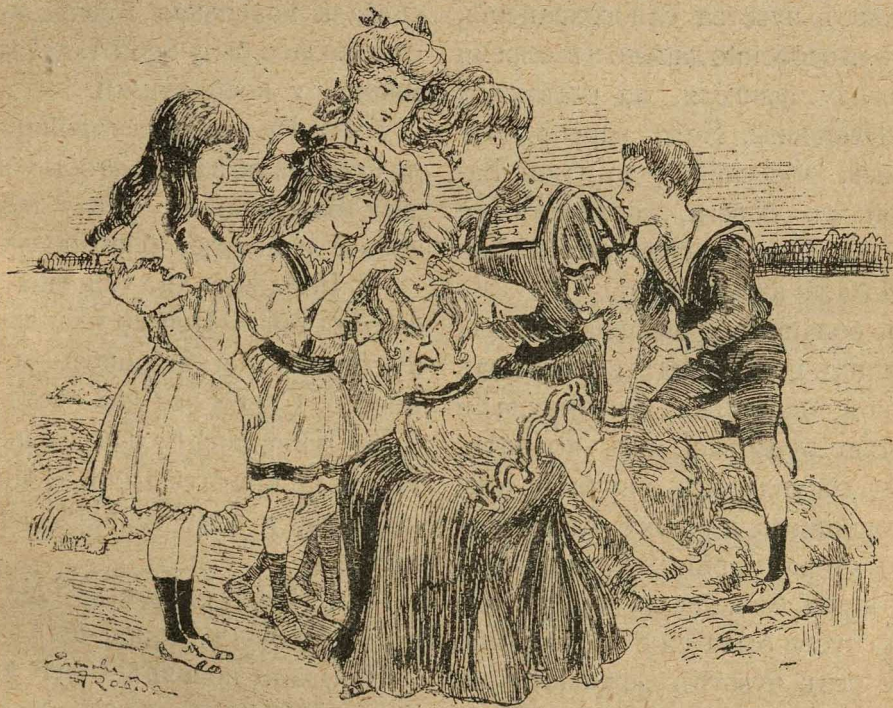
Она уложила ее въ постель.

отъ скуки захворать... И все это докторъ! Если бы онъ не прѣзжалъ, то дѣти теперь не сидѣли бы за книжкой, а бѣгали бы и играли...

И, глубоко вздыхая, она дошла до того мѣста парка, гдѣ была калитка, выходившая на рѣку. Отсюда открывался видъ на тотъ берегъ и было кругомъ такъ красиво, такъ пріятно,

сняла съ себя башмачки и чулки, бросила ихъ на песокъ, а затѣмъ стала босячкомъ бѣгать по берегу и плескаться голыми ногами въ водѣ. Кругомъ не было ни души и только слышно было, какъ квакали въ камышахъ лягушки.

Все это видѣла изъ окна Елена Ивановна; но такъ какъ въ этомъ мѣ-



— Мнѣ больно... Я хочу къ мамѣ... Мама!.. Мама!..

что Сонѣ вдругъ захотѣлось побѣжать къ самой водѣ и порыться во влажномъ береговомъ пескѣ. Искушеніе было настолько сильно, что, не привыкшая сдерживать свои желанія, Соня не въ состояніи была противиться ему и со всѣхъ ногъ бросилась къ рѣкѣ... Добѣжавъ до воды, она остановилась, взобралась на большой камень, вылѣзавшій прямо изъ рѣки,

стѣ берегъ былъ очень пологій и всю рѣку можно было даже ребенку перейти въ бродъ, то бояться было нечего.

— «Пусть она побѣгаетъ босячкомъ», подумала она.— «Это ей полезно!»

Прошли цѣлые полчаса, въ которые Соня съ удовольствіемъ рѣзвилась на берегу рѣки. Она бѣгала бо-

сыми ногами прямо по водѣ, выкапывала въ песокъ ямки и когда туда заплывала рыба величиною не больше булавки, то она ловила ее руками и долго разсматривала ее, держа ее въ ладони, наполненной водой.

Елена Ивановна глядѣла на нее изъ окна и ни одного ея движенія не упускала изъ виду; да и сама Соня, вѣроятно, изъ чувства самосохраненія, не убѣгала особенно далеко и все время была ввиду флигеля, на глазахъ у Елены Ивановны. Какъ вдругъ рѣзкій крикъ, донесшійся до г-жи Васильевой съ берега, заставилъ ее вздрогнуть. Она бросила свое шитье и подбѣжала къ окошку.

И къ большому удивленію ребятъ, привыкшихъ всегда видѣть свою мать спокойной, она тоже вскрикнула и опростыю бросилась изъ комнаты. Въ одну секунду всѣ они были уже на подоконникѣ и во всѣ глаза глядѣли въ сторону рѣки. Елена Ивановна бѣгомъ бѣжала по парку и двѣ минуты спустя была уже около Сони, чуть не безъ чувствъ лежавшей на берегу у одного изъ камней.

Дѣти въ ужасѣ глядѣли на эту сцену, а затѣмъ, вдругъ, прыгнули черезъ окно прямо въ паркъ и со всѣхъ ногъ пустились къ матери и Сонѣ.

Когда они подбѣжали къ своей мамѣ, то она уже подняла съ песка Соню, сѣла сама на камень и положила ее къ себѣ на колѣни. Соня стонала.

— Что съ тобой? спросила она ее.

— Упала... плакала Соня. — Наткнулась на камень и упала...

— Чего же ты плачешь?

— Ушибла ногу... Мнѣ больно...

Я хочу къ мамѣ... Мама!... Мама!.

— Но вѣдь у тебя на ногѣ даже нѣтъ синяка! сказала Елена Ивановна. Успокойся, все пройдетъ...

— Нѣтъ, я сломала, сломала себѣ ногу!.. Мама!.. Мама!..

— Еслибы ты сломала себѣ ногу, сказала маленькая Ксения, — то она отломилась бы у тебя такъ, какъ, помнишь, у моей куклы!

Елена Ивановна осторожно потянула Соню за обѣ ноги, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онѣ у нея цѣлы, но все оказалось благополучнымъ.

— Пойдемъ-ка, Сонечка, домой, сказала она. — Нечего плакать изъ-за пустяковъ. Легкій ушибъ — и больше ничего. Скоро все заживетъ.

— Нѣтъ, мнѣ больно, больно!.. продолжала кричать Соня. — Мнѣ нужна мама, я хочу сейчасъ же видѣть маму...

— Гдѣ же ее взять? Она уѣхала въ Петербургъ, скоро пріѣдетъ...

И, нѣжно поднявъ Соню на руки, Елена Ивановна понесла ее къ себѣ во флигель. Здѣсь она еще разъ осмотрѣла ей ногу, а затѣмъ перенесла ее въ большой домъ и уложила ее тамъ въ постель. Пять минутъ спустя, Соня лежала уже подъ одѣяломъ, продолжала плакать, и около нея сидѣла ея вѣрная подруга Катя, и старалась ее утѣшить. Нога Сони была завернута въ компрессъ.

— Не плачь, дѣточка, обратилась къ ней въ послѣдній разъ Елена Ива-

новна. — Не пройдетъ и двухъ дней, какъ все заживетъ, и ты даже и не вспомнишь о болѣзни. Постарайся быть спокойной и не проливай даромъ слезъ.

Пришла бабушка и тоже со всѣхъ сторонъ оглядѣла Соню.

— Нѣтъ, сказала она, — все цѣло... Просто дѣвочка напугалась — и только!..

И Сонѣ было досадно, что никто о ней не плачетъ, не проливаетъ слезъ и никто не желаетъ послать сейчасъ въ городъ за докторомъ и въ аптеку за лекарствомъ, какъ это сдѣлала бы ея мама, если бы сейчасъ была здѣсь. И, уставъ плакать и возмущаться, Соня закрыла глаза, отвернулась къ стѣнѣ и заснула крѣпкимъ сномъ.

М. П—вѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СВѢТЛЯЧКИ.

Въ вечернемъ воздухѣ прохлада.
Затихли въ листьяхъ вѣтерки,
И въ темнотѣ душистой сада
Мерцаютъ нѣжно свѣтлячки.
Ихъ огоньки волшебнымъ свѣтомъ
Въ росистыхъ вѣнчикахъ цвѣтка
Сіяютъ ласковымъ привѣтомъ,
Но лишь коснется ихъ рука, —
Погаснетъ нѣжное мерцанье,
И свѣтлячокъ свое сіянье

Ужъ не пошлетъ издалека.
И станетъ грустно такъ, досадно
Безъ этихъ милыхъ огоньковъ.
И снова станетъ такъ отраднo,
Когда увидишь свѣтлячковъ.
Такъ души дѣтскія сіяютъ,
Въ нихъ свѣтъ божественный горитъ,
И счастливъ тотъ, кто понимаетъ
Въ нихъ этотъ свѣтъ и ихъ хранить.

Льдинка.

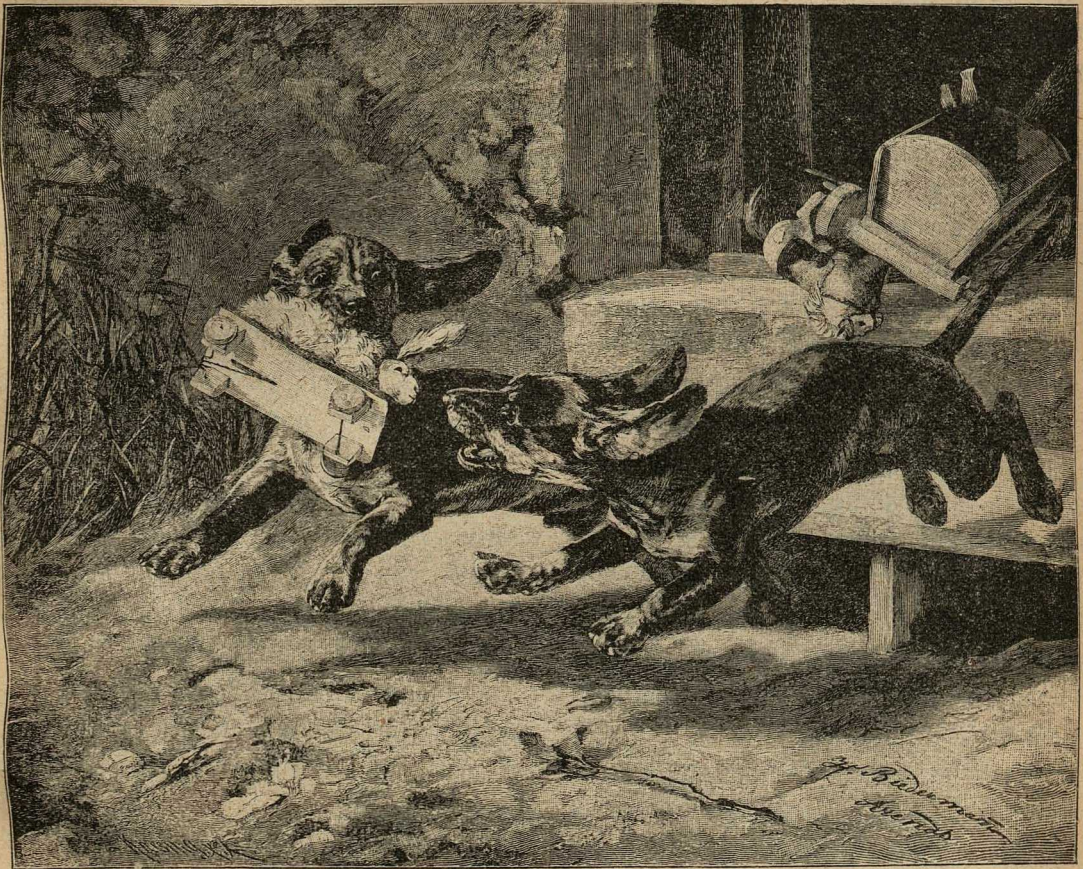
Изреченія. Посѣйте поступокъ, и вы пожнете привычку, посѣйте привычку, и вы пожнете характеръ, посѣйте характеръ, и вы пожнете судьбу. (Теккерей).

Говори только о томъ, что для тебя ясно, какъ утро, иначе молчи (Талмудъ).

Уничтожь въ себѣ только одинъ недостатокъ и съ нимъ вмѣстѣ исчезнутъ въ тебѣ сами собой другіе десять (Родъ).



Старушка.

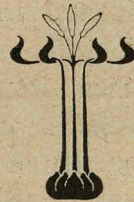
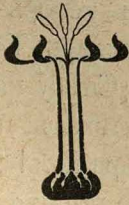


Сташили.

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

(Продолженіе).



VIII.

Было около половины февраля, когда Ваграмъ отправился въ Швейцарію. Зима была суровая, тяжелая для путешественниковъ. Такая тяжелая, что, пріѣхавъ въ Страсбургъ, Ваграмъ нашель его большую гостиницу почти пустою, и даже тѣ немногіе, которыхъ онъ встрѣтилъ въ

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

этомъ городѣ, ѣхавшіе изъ Англіи или изъ Парижа во внутрь Швейцаріи, возвращались назадъ.

Желѣзныхъ дорогъ въ Швейцаріи тогда еще не было, а тѣ, которыя строились, не были еще окончены. Приходилось ѣхать на лошадахъ или идти пѣшкомъ.

Въ Страсбургѣ оказалось много разсказовъ о путешественникахъ, потерпѣвшихъ неудачу въ желаніи пересечь черезъ Альпійскій хребетъ, но и самые скромные изъ нихъ были таковы, что даже смѣлый путешественникъ не рѣшался отправляться въ путь и долженъ былъ возвратиться назадъ. Но такъ какъ отъ Страсбурга до Базеля уже ходили поѣзда, то Ваграмъ твердо рѣшилъ отправиться дальше.

Шель снѣгъ и такъ заваливалъ желѣзнодорожное полотно, что локомотивъ едва пробивалъ себѣ путь. И когда пріѣхали въ Базель, то оказалось, что поѣздъ опоздалъ сразу на шесть часовъ, такъ что Ваграму пришлось пообѣдать въ то время, когда всѣ другіе уже ужинали.

Онъ отправился въ гостиницу, расположенную надъ самымъ Рейномъ, въ этомъ мѣстѣ быстрымъ и глубокимъ, сердитымъ и громкимъ, и снялъ тамъ номеръ. Во всей гостиницѣ онъ оказался совершенно одинъ, такъ какъ никто не рѣшался въ такую погоду переправляться черезъ Альпы. Было холодно и Ваграмъ приказалъ затопить каминъ. Усѣвшись у огня, онъ сталъ грѣться. Было

еще не поздно и ему, привыкшему все время быть при дѣлѣ, это бездѣлье казалось утомительнымъ и длиннымъ, а впереди еще предстояла цѣлая, быть можетъ, бессонная ночь, которую придется тоже просидѣть безъ дѣла.

Передъ гостиницей раздались громкіе голоса. Послышалось ржанье лошадей, топанье ногами, бряцанье бубенчиковъ. Ваграмъ прислушался къ нимъ и сразу же понялъ, въ чемъ дѣло: это пріѣхали возчики изъ Невшателя. Онъ одѣлся и вышелъ на улицу. Вдоль гостиницы дѣйствительно стоялъ цѣлый обозъ, весь занесенный снѣгомъ. Колеса почти сплошь были залѣплены снѣгомъ, отъ лошадей поднимался паръ, а ходившіе тутъ-же возчики хлопали отъ холода руками и притоптывали озябшими ногами.

— Откуда вы? спросилъ ихъ Ваграмъ.

— Изъ Невшателя... слышался отвѣтъ.— Съ той стороны!

— Ну, какъ теперь въ горахъ?..

— Плохо, сударь! Такъ и мечеть, такъ и рветъ!.. Снѣгу навалило столько, что ни проѣхать, ни пройти. Насилу сюда добрались!

— А какъ погода, къ худшему или къ лучшему?

— Да кто ее знаетъ? Вотъ ужъ третьи сутки метель въ горахъ, а на четвертые всегда выглядываетъ солнце... Воля Божья!

Ваграмъ постоялъ немного и собрался-было идти къ себѣ въ номеръ,

какъ къ нему вдругъ подошелъ какой-то старичокъ. У него былъ рюкзакъ за плечами и въ рукахъ онъ держалъ длинную альпійскую палку. На ногахъ у него была толстая горная обувь. Его черная суконная шляпа была нахлобучена у него на самый лобъ и почти все лицо его обросло густою сѣдою бородою.

— Осмѣлюсь спросить васъ, господинъ, обратился онъ къ Ваграму. Вы не въ Швейцарію изволите отправляться?

— Да, въ Невшатель... отвѣтилъ ему Ваграмъ.

— Я тоже въ Невшатель, продолжалъ старичокъ.—Намъ, значитъ, съ вами по пути, да вотъ такая неблагоприятная погода...

— Да, погода плохая!

— А вы изволите ее здѣсь переждать?

— Нѣтъ, я завтра-же, на разсвѣтъ, отправляюсь въ путь.

— А вы не боитесь въ горахъ метели?

— Нѣтъ... Я самъ швейцарецъ родомъ и, кромѣ того, всѣ дороги мнѣ здѣсь извѣстны, какъ пальцы на рукахъ.

— Мнѣ тоже, и я тоже на разсвѣтъ отправляюсь въ путь... Давайте въ такомъ случаѣ пойдемъ вмѣстѣ!

— Очень пріятно, отвѣтилъ Ваграмъ и протянулъ ему руку.

Они познакомились, разговорились и оказалось, что у нихъ нашлось много общихъ интересовъ и даже

нашлись общіе знакомые въ Швейцаріи. Старичокъ снялъ номеръ рядомъ съ тѣмъ, въ которомъ помѣстился Ваграмъ, разоблачился, надѣлъ на себя халатъ и пришелъ къ Ваграму въ гости. Они долго сидѣли и молчали, грѣясь у камина, а на дворѣ гудѣла вьюга и крупный, сухой снѣгъ стегалъ по стекламъ.

Прошло двѣнадцать часовъ ночи, вся гостинница уже улеглась спать, а они все сидѣли у горѣвшаго камина, прислушивались къ вою непогоды, и грѣлись. Свѣчка вспыхнула, догорѣла и погасла.

— Надо зажечь новую свѣчку, сказалъ старичокъ.

— У меня ея нѣтъ, отвѣтилъ Ваграмъ,—забылъ потребовать, а теперь уже поздно. Свѣтло и отъ камина.

И онъ подкинулъ въ каминъ дровъ, снова сѣлъ въ кресло передъ огнемъ и судорожно повелъ плечами.

— Бррр!.. сказалъ онъ.— Холодно! Должно быть, я простудился!

— А вы выпейте вина! посоветовалъ ему старичокъ.—Хотите я васъ угощу?

— Пожалуй, дайте!

Старичокъ сходилъ къ себѣ въ номеръ и возвратился оттуда съ дорожной фляжкой. Онъ отвинтилъ на ней металлическую пробку, налилъ полную рюмку и поднесъ ее Ваграму.

— Пейте на здоровье! сказалъ онъ и какъ-то странно, какъ показалось Ваграму, сверкнулъ глазами.—Дрянное, трактирное вино, но все лучше, чѣмъ ничего. Ночь холодная, погода

холодная и домъ холодный. Попробуйте!

Ваграмъ взялъ рюмку и выпилъ.

— Какъ вы находите? спросилъ старичокъ.

— Невкусно! сказалъ Ваграмъ, отдавая рюмку и слегка передернувъ плечами.—Я не люблю такого вина!

— Вы правы, сказалъ старичокъ, чуть-чуть коснувшись рюмки губами;—

препротивный вкусъ и я тоже терпѣть не могу такого вина. Но что подѣлаешь? Лучшаго въ этихъ мѣстахъ не достать! Уфъ! такъ и жжетъ!

Онъ разлилъ по полу все, что оставалось въ рюмкѣ.

Оба они облокотились на ручки кресель, опустили головы на ладони и смотрѣли на пылавшій дрова. Старичокъ сидѣлъ молча и почему-то насто-рожѣ.

— Вы запираетесь на ключъ ночью во время путешествія? спросилъ онъ у Ваграма и протянулъ руки къ огню.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Ваграмъ.—Я слишкомъ крѣпко сплю. Если запрусь, то меня не разбудятъ къ отъѣзду.

— Вы крѣпко спите? переспросилъ старичокъ съ любопытствомъ.—Какая благодать!

— Далеко не благодать для тѣхъ, кому пришлось-бы будить меня поутру черезъ запертую дверь.

— Позвольте мнѣ дать вамъ хорошій совѣтъ, сказалъ старичокъ.—Я швейца-



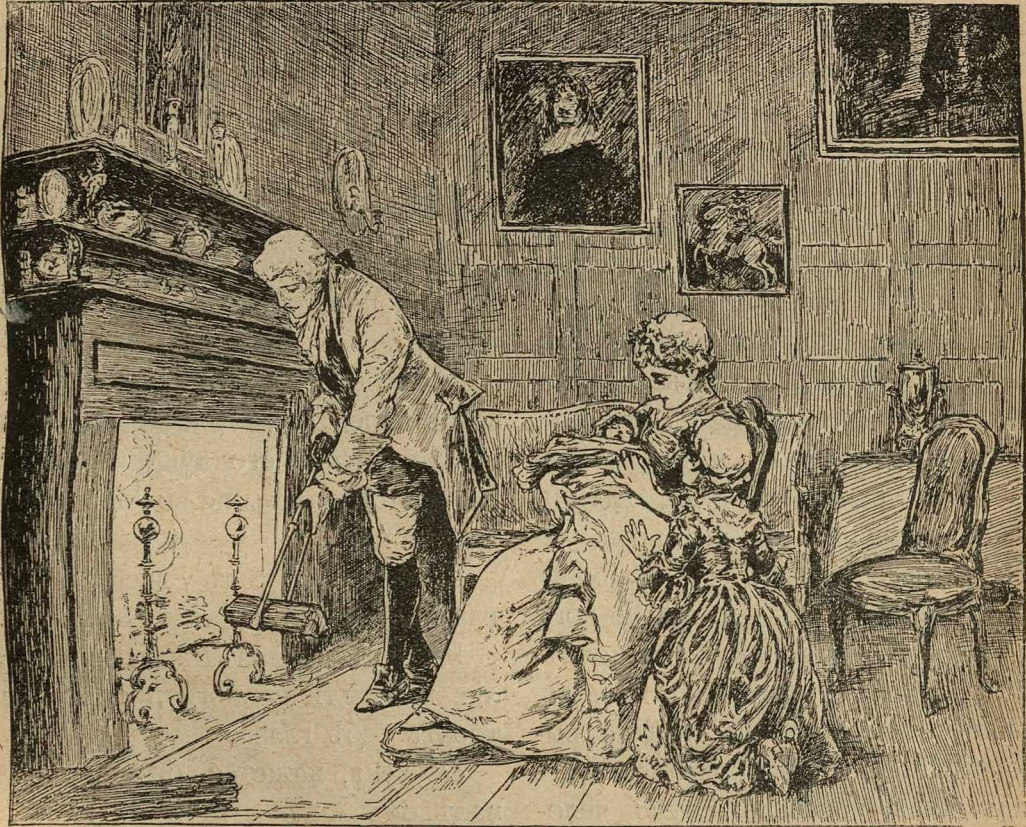
Трудная задача.

рець и хорошо знаю весь здѣшній край: когда вы путешествуете по Швейцаріи, то кладите свои бумаги и, разумѣется, деньги, — подъ подушку. Всегда на одно и то-же мѣсто.

— А развѣ швейцарцы воры? разсмѣялся въ отвѣтъ Ваграмъ.

снова усѣлся въ кресло. Отъ выпитаго вина ему сдѣлалось жарко, такъ жарко, что онъ снялъ съ себя верхнее платье и бросилъ его на кровать такъ, что оно легло во всю ея длину.

«Точно человекъ», подумалъ Ваграмъ. — «Въ темнотѣ можно по-



Семья сто лѣтъ тому назадъ.

— Не то, чтобы воры, замысли старичокъ, — а любятъ иной разъ воспользоваться тѣмъ, что плохо лежатъ. Прощайте. Что-то стало клонить ко сну! Покойной вамъ ночи!

Онъ пожалъ Ваграму руку и ушелъ къ себѣ спать, а Ваграмъ сгребъ головешки, подкинулъ дровъ еще и

думать, что на кровати кто-то спитъ»...

Затѣмъ онъ вновь усѣлся у камина и послѣ нѣсколькихъ первыхъ подергиваній и вздрагиваній, во время которыхъ онъ разъ даже вскочилъ на ноги, дико озираясь по сторонамъ, онъ наконецъ впалъ въ ка-

кую-то тяжелую, странную дремоту. Бумаги лежали у него въ сафьянномъ бумажникѣ во внутреннемъ грудномъ карманѣ и были при немъ. Онъ чувствовалъ, что спитъ въ креслѣ у камина и въ то-же время сознавалъ, что не спитъ и видитъ все. И вотъ ему представилось, что дверь въ его номеръ тихонько отворилась и къ нему въ комнату вошелъ старичокъ. Крадучись, точно воръ, онъ подошелъ къ его постели и долго шарилъ у него подъ подушкой. Не найдя подъ ней ничего, онъ со злобой схватилъ лежавшее вдоль постели верхнее платье Ваграма и сбросилъ его на землю. А затѣмъ, понявъ, что обманулся и принялъ платье за чепчикъ, онъ тихонько, на цыпочкахъ, подошелъ къ Ваграму и сталъ шарить у него рукою по груди, отыскивая тотъ карманъ, въ которомъ лежали у него бумаги. Но карманъ былъ потайной, онъ никакъ не могъ его найти и вытащилъ-было ножъ, чтобы распороть имъ его жилетъ, акъ вдругъ откуда-то изъ тумана выбѣжала Маргарита и закричала ему:— «Дядя, дядя, проснись! Этотъ чепчикъ тебя убьетъ!» Онъ собрался съ силами, сдѣлалъ нѣсколько движеній и съ трудомъ открылъ глаза.

Дрова въ каминѣ погасли, было холодно и въ окна чуть брезжилъ разсвѣтъ. Ваграмъ поднялся съ кресла и, пошатываясь, пошелъ къ кровати, чтобы одѣться. Голова его была тяжела и горячее дыханіе обжигало ему верхнюю губу.

— Ишь ты, проговорилъ онъ.— Такой у меня, значитъ, вчера былъ жаръ, что даже верхнее платье я побросалъ на полу! Какъ бы мнѣ не заболѣть въ дорогѣ!

И, надѣвая сюртукъ, онъ замѣтилъ, что какъ-то странно у него разорвалась вдругъ жилетка.

«Что значитъ спать въ одѣжѣ», подумалъ онъ.— «Такъ все и рвется по швамъ, точно нитки были гнилыя!»

Но здѣсь снова у него закружилась голова, онъ хотѣлъ что-то припомнить и что-то сообразить, но не могъ, и повалился всѣмъ тѣломъ на кровать.

— Проснись, дядя, вдругъ снова послышался ему голосъ Маргариты гдѣ-то внутри его души,—проснись! Не спи! Развѣ ты не видишь, что это Крюгеръ?

И вмѣстѣ съ тѣмъ у двери раздался вдругъ громкій стукъ.

Ваграмъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, вскочилъ на ноги и сталъ протирать себѣ глаза.

«У меня, кажется, бредъ»... подумалъ онъ.

А около двери стоялъ старичокъ, уже совсѣмъ готовый въ путь и рукояткой палки стучалъ о косякъ.

— Вставайте! Вставайте! кричалъ онъ.— Уже четыре часа. Какъ вы крѣпко спите!

— Я готовъ! воскликнулъ Ваграмъ, все еще не твердо стоя на ногахъ.

— Четыре пробило! Намъ пора въ дорогу!

Старичокъ сказалъ это очень громко, чтобы разбудить Ваграма, потому что онъ опять чуть-было не заснулъ. Во время сборовъ къ отъѣзду и за завтракомъ онъ часто впадалъ въ дремоту и во весь сумрачный холод-

ный день затѣмъ до него доходили только смутныя впечатлѣнія звенящаго колокольчика, рѣзкаго вѣтра, однообразно-суровыхъ горъ и черныхъ лѣсовъ по сторонамъ дороги.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАДАЧИ И ГОЛОВЛОМКИ.

I.

Какъ изъ нотъ составить: 1) огородное растеніе, 2) мѣру длины, 3) судьбу, 4) то, безъ чего не обходится ни одинъ обѣдъ?

II.

Какія женскія имена обозначаютъ: 1) рѣку Азіи, 2) дерево, 3) фруктъ, 4) цвѣтокъ, 5) грызуна, 6) городъ Виленской губерній?

III.

Какіе русскіе города носятъ названіе: 1) мѣста заключенія, 2) обуви, 3) рыбы, 4) птицъ, 5) базара, 6) простого народа, 7) лакомства, 8) части земли, со всѣхъ сторонъ окруженной водою, 9) земляного возвышенія?

IV.

Какой китайскій языкъ?

V.

Закуска и женское имя составляютъ названіе рѣки. Какая это рѣка?

(Предложилъ Андрюша Федотовъ).

VI.

Отъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ отнять по одному слову и расположить ихъ такъ, чтобы изъ нихъ вышла первая фраза извѣстной басни Крылова.

1. Эта больная женщина еще слаба.
2. Онъ только моргалъ глазами и ничего не понималъ.
3. Мартышка — очень переимчивое животное.
4. Въ старости каждая работа кажется человѣку трудной.
5. Какая стала дурная погода!

(Предложила Стрекоза).

VII.

Найти названія цвѣтовъ, заключающіяся въ слѣдующихъ фразахъ:

1. Дѣти ѣли рисовую кашу.
2. Гроза разбила въ лѣсу вѣковой дубъ.
3. Погибавшихъ спасли и ихъ ужасъ миновалъ.
4. Вотъ снова вернулась зима къ намъ съ морозами и съ веселыми снѣжными днями.
5. Пришло лѣто и настала страдная пора.

(Предложила Лыдинка).

Разгадки головоломокъ и проч., помѣщенныхъ въ № 4 „Золотого Дѣтства“.

Головоломка № 1. Калуга, Таганрогъ, Бѣлостокъ, Угличъ, Устюгъ Великій Москва, Козловъ, Тула, Гороховецъ, Ялта.

Головоломка № 2. Осока, Руль, Ежъ, Лимонъ.

Задуманное слово—Орель.

Головоломка № 3. Оса.

Головоломка № 4. Шексна, Шекспиръ.

Шуточныхъ вопросовъ: 1. Карпъ, 2. Пудъ.

Ребусъ № 3. С + корова + м + п + раз + дно + вать + че + ре + з + три н + ед + ели + за + жгутъ + елку + съ и + грушка + ми = Скоро вамъ праздновать, черезъ три недѣли зажгутъ елку съ игрушками.

Вѣрные рѣшенія прислали: Маруся Волкова изъ Омска, Андрюша Федотовъ донской казачекъ, Яша Россоскій изъ Липовца, Коля Антоновъ изъ Нахичевани-на-Дону, Тася и Володя Теремцкіе изъ Гатчины, Евва Бабаджанъ, Шура Обморшевъ въ Козловѣ, Нина Бойчевская изъ

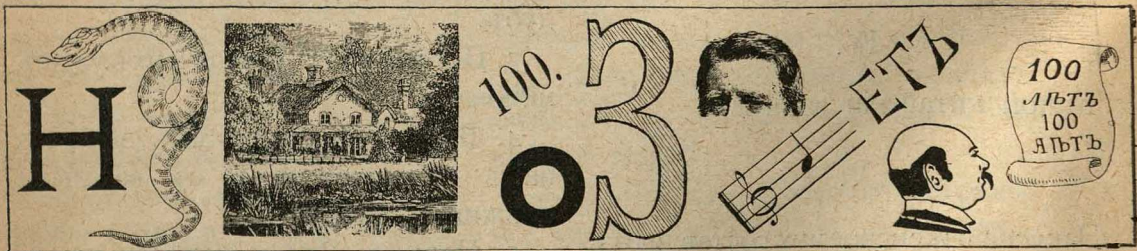
Саратова, Надя Слободзинская изъ Николаева, Мира Ланшинъ, Петрусь Ножниковъ изъ Мариуполя, Владиміръ Самоловъ изъ Саратова, Л. Сѣдлецкая изъ Холма, Августа Станкевичъ изъ Ялты, Люціанъ Янковскій изъ Нижнеднѣпровска, Георгій Межакъ изъ Крейдбурга, Dina Okun aus Hamburg (Германія).

ПОЧТА «ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА».

Милый Донской Казачокъ. Спѣшу отвѣтить на ваши вопросы. Я живу въ Швейцаріи, на берегу Фирвальдштеттерскаго озера, въ деревушкѣ недалеко отъ городка Фицнау. Изъ оконъ нашего домика видны Альпійскія горы и видно, какъ по озеру плыветъ пароходъ изъ Люцерна. Я живу здѣсь вмѣстѣ съ мамой, которая больна, и съ своей гувернаткой мисъ Люси. Мы часто съ ней ходимъ къ озеру. «Золотое Дѣтство» мнѣ читаетъ мама, потому что мисъ Люси говоритъ только по англійски и по французски. «Барри» я не читала, такъ какъ подписалась на этотъ журналъ только въ первый годъ. Раньше мы жили въ Италіи, въ Борgetto, но тамъ мамѣ было еще хуже, потому что тамъ очень сухой воздухъ. Мнѣ очень хочется въ Россію, потому что я соскучилась и мама говоритъ, что мнѣ пора уже поступать въ гимназію или въ институтъ. У меня есть большая собака Стелла и я часто гуляю съ ней по горамъ. Кромѣ того у насъ есть двѣ козы и козель. Козла мы запрягаемъ въ тележку и я катаюсь на немъ по шоссе. У меня здѣсь нѣтъ ни одной подруги, а есть одна маленькая швейцарская дѣвочка Ирма, съ которой я иногда играю. Кто изъ подписчиковъ «Золотого Дѣтства» былъ за границей?

Женя Бергъ, 9 лѣтъ.

РЕБУСЪ № 4.



(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти задачи, головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны).

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племень и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 2 рубля.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.